

Культура. — 2003. — 6-12 февр. — с. 7

ВЫСШИЙ КЛАСС И НЕМНОГО ЭКЗОТИКИ

На концерте Кетлин Бэттл

В последние годы в отечественной концертной жизни сложилась любопытная традиция: к нам зачастую с гастрольями оперные звезды “продвинутого” возраста на излете своей карьеры.

И вот приехала с единственным концертом несравненная Кетлин Бэттл. По всем формальным признакам это имя вполне укладывается в обозначенную схему. Ей скоро пятьдесят пять, на оперной сцене уже не поет, хотя рециталы и случаются. Это с одной стороны. С другой — шлейф блистательной славы ярчайшего интерпретатора лирико-колоратурных партий в произведениях Моцарта, Россини, Доницетти, ПШтрауса плюс спиричуэлс. Все параметры сходятся. Так обстоит дело в теории. Но есть еще и практика, которую пока никто не отменял.

“Ощущение праздника было, а самого праздника нет!” — такую загадочную фразу обронил один из моих знакомых меломанов в кулуарах концерта. За кажущимся противоречием я усмотрел важный и поучительный смысл. Судите сами.

Век аудиозаписи при всех своих достоинствах, дающих нам возможность услышать тех, кого, быть может, мы иначе никогда и не услышали бы, таит в себе опасность. Представьте себе — вы неоднократно любовались картиной знаменитого старого мастера в репродукции, мечтали увидеть подлинник. И вот появилась такая возможность. Вы входите в музейный зал, и... разочарование! Что это? Полотно, оказывается, блеклое и маленькое. Ни тебе ярких красок, ни масштаба! Но затем постепенно на вас начинает действовать какая-то неодолимая сила. Ощущение сопричастности чему-то

К. Бэттл

подлинному охватывает душу. Схожее чувство испытал я на концерте знаменитой певицы. Сохранившая изящество женщина, имя которой окутано всякого рода слухами и скандалами, властно берет вас в плен, вы оказываетесь в особом, своего рода эзотерическом мире, мире наслаждения свободным и искренним музицированием, лишенном суеты, с великолепнейшим нюансировкой и выделкой деталей. Уже то, как артистка ожидала в течение нескольких минут своего вступления в Романсе Джульетты из “Капулетти и

Монтекки”, было неподражаемо. При меланхолических звуках солирующей валторны она на глазах у нас постепенно погружалась в чудесный беллиниевский мир. Причем делала это совершенно естественно, без всякой игры на публику. И вот полились звуки речитатива. Что же? Какая отточенность фразировки, какие превосходные верхние ноты!

Однако не все так просто. Далее начинают проступать иные черты. Певица поет преимущественно *soffo* voce. Середина и низы подчас должным образом не прослушиваются,

следовательно, нарушается ровность регистров. Это особенно чувствуется в двадцатом ряду партера (как я потом спрашивал, в первых рядах звучание было значительно более насыщенным). Все то, что на пластинке нивелируется качеством звукозаписи, здесь проступает с досадной очевидностью — голос-то камерный! Многие слушатели к такой манере звукоизвлечения, особенно в оперном репертуаре, оказались не готовы — завышенные и неправильно ориентированные ожидания играют иногда с нами злую шутку. Действительно, никакого внешнего блеска, мощного звукового потока в зал. Один сплошной стиль и грациозность. Если для Джульетты этого, может быть, и достаточно, то хрестоматийная Каватина Линды явно требует большего. Все привыкли воспринимать этот шлягер Доницетти как бравурную колоратуру с блестящими олеваньями центральных нот и “атакой” на верхах. Все это при достаточно энергичном темпе. Но Бэттл игнорирует общепринятые стандарты и раскрывает перед слушателем свой мир с убежденностью миссионера! И пускай не было безупречного “гороха” в пассажах, допускались и иные помарки, но была неподражаемость большого мастера, которую ничем не заменишь.

Во втором отделении Бэттл приготовила для нас не менее хрестоматийный мотет Моцарта “*Exsultate, jubilate*”. Здесь отчасти повторилась та же картина, что и в первом. Везде, где аффектация была очевидно излишней, исполнение казалось самым совершенством. Чувство восторга буквально окутывало и объединяло зал. Особенно восхитало богатство артикуляции в речитативе и *Andante*.

Но все ждали финальную Аллилуйю с ее восторженной экзальтацией. Однако не такова наша примадонна! Ждать от нее компромиссов не приходится. Моцартовский мотив и здесь “порхает” все так же трепетно и изящно, без прямойлинейного нажима, он ангельски бесплотен и тем самым возвышен над бренным миром. Такую Аллилуйю требовалось осмыслить, преодолев стереотипы и “радость узнавания”.

Во время бисов, исполняя спиричуэлс, Бэттл внезапно повернулась спиной к публике и запела для оркестрантов. И голос вдруг обрел полетность и “ринулся” в зал, легко достигая последних рядов. Этот миг стал моментом абсолютной свободы и катарсиса, доступных только избранным творцам, способным сохранять юность души и преодолевать время.

Убеждает ли Бэттл своими трактовками? Не “подгоняет” ли их под особенности своего голоса? Это непростой вопрос. Да, трактовки Бэттл подчас непривычны, они не вполне итальянские, скорее американизированные, где-то по духу напоминающие манеру джазового музыканта, получающего удовольствие от своей игры. Но, безусловно, художественно стройные. Скажу откровенно, я далеко не во всем согласен с певицей, к примеру, для пуччиниевской арии Лауретты (один из бисов) манера Бэттл выглядит слишком акварельной. Но благодарен ей: она расширила “горизонты” моих художественных представлений, что достаточно редко случается в наше прагматическое время.

Евгений ЦОДОКОВ

Фото
Натальи ЛОГИНОВОЙ